

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН
ОТДЕЛ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

Юрий Николаевич Перих. Подмосковье, 1959 г.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Индия – Тибет: текст и феномены культуры

ПЕРИХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ 2006 – 2010
в Институте востоковедения РАН

«ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ»
МОСКВА 2012

**УДК 94(3) "65"
ББК 63.3(5)
И60**

Составитель и ответственный редактор
д. фил. н. В. В. Вертоградова

Редактор английского текста
Д. И. Жутаев

Рецензенты:
д. и. н. Н. В. Исаева
к. ф. н. Н. А. Железнова

И60 **Индия – Тибет:** текст и феномены культуры : Периховские чтения 2006 – 2010 в Институте востоковедения РАН / Сост. и отв. ред. В. В. Вертоградова ; Ин-т востоковедения. – М. : Языки славянской культуры, 2012. – 328 с. : ил.

ISBN 978-5-9551-0611-3

Сборник посвящен 110-летию со дня рождения выдающегося отечественного востоковеда Ю. Н. Периха (17.08.1902 – 21.05.1960) и представляет итог последних пяти лет (2006 – 2010) ежегодных «Периховских чтений», проводившихся в Институте востоковедения РАН с 1960 г. Предлагаемые статьи, охватывая географически и тематически ареал исследовательских интересов Ю. Н. Периха (классическая Indo-Tibetica), выходят при этом на широкий круг новейшей проблематики. Рассматриваются феномены древней и средневековой культуры с ориентацией на современные подходы к понятию «Текст», включая генеративные модели, культурные коды и пр., что не вмещает в себя заглавие книги и что связано с разработкой новой методологии.

Содержание сборника включает несколько областей гуманитарного знания: «Лингвистика и лингвофилософия», «Порождение доктринального текста», «Строительный код и ритуал», «Психо-культурные феномены и текст» и др. Особый интерес представляет исследование и первая публикация памятников тибетской живописи из коллекции Перихов.

© Вертоградова В. В., составление, 2012
© Институт востоковедения РАН, 2012
© Юдина М. Э., художественное
оформление, 2012
© Языки славянской культуры, 2012

ISBN 978-5-9551-0611-3

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	9
Н. В. Александрова	
Буддийские предания о диспутах в передаче Сюань-Цзана. Закономерности построения сюжета	13
В. В. Вертоградова	
«Черная кожа» (<i>ásiknī tváć</i>) или «что чтили нёлюди дасью»? (AB XVIII 2.28)	26
Е. Г. Вырщиков	
Социальные классификации и сакральное пространство в палийском каноне	41
А. М. Дубянский	
О некоторых элементах поэтической системы классической тамильской поэзии	57
Н. А. Железнова	
Джайнский мистицизм и учение о трех атманах в <i>Corpus Cundacundae</i>	82
Д. И. Жутаев	
Абхидхарма и Абхивиная: взгляд со стороны двух раннебуддийских традиций	93
А. И. Коган	
Дарды и «страна дардов» в «Раджатарангни» Кальханы	107
Н. А. Корнеева	
Прием почетного гостя-атитхи в традиции санскритских ритуальных текстов	115
Д. Н. Лелюхин	
Социальная структура раннего непальского общества. <i>Грама</i> и <i>панчали</i> в надписях Личчхавов	130
Е. С. Лепехова	
Образ <i>дакини</i> в средневековой Японии	147
В. Г. Лысенко	
Слово и бытие в учении Бхартрихари о действии (по «Криясамуддеше»)	156
А. А. Мехакян	
Философская интерпретация лингвистических категорий в кашмирском шиваизме: лингвистика и метафизика	174
Е. Д. Огнева	
«Достославная медноцветная гора, рай Падмасамбхавы» (Танка из собрания Кабинета Ю. Н. Периха ИВ РАН)	193

Е. Д. Огнева		
«Ваджрачхедика» в структуре Одесского рукописного сборника буддийских медитативных текстов (перспективы исследования)		200
С. Ч. Офертас		
Мир без Другого. Одна онтологическая возможность Индии (на основе сочинений шивантской парама-адвайты)		209
Е. В. Тюлина		
Пространство, его «испытание» и почитание в обрядах освящения скульптуры и архитектуры (по «строительным» трактатам из пуран)		226
М. С. Фомин		
<i>«И одеяние его покрыло собой весь остров...»: Легенды религиозного обращения</i> (по материалам палийской и среднеирландской традиций)		242
К. П. Шрестха		
Некоторые историко-культурные аспекты символики национального флага Непала		263
Е. С. Юдицкая		
Концепция сновидения в древнеиндийской текстовой традиции		272
В. М. Яковлев		
Структура свитка «Колеса времени» (Калачакра) из коллекции Перихов (ГМИНВ). Тибетский календарь		287
Summary of Papers		298
Список иллюстраций		316
Список сокращений		318
Иллюстрации		I–VIII

CONTENTS

Introduction	9
N. V. Aleksandrova	
Buddhist Legends about Debates as Conveyed by Hsüan Tsang: Regular Patterns of Plot Construction	13
V. V. Vertogradova	
“Dark Skin” (<i>ásiknī tvác</i>), or, “What Was Worshipped by the <i>dásyu</i> Non-Humans?” (AV XVIII 2.28)	26
Ye. G. Vyrshchikov	
Social Classifications and the Sacred Space in the Pāli Canon	41
A. M. Dubyansky	
Regarding Certain Elements of the Poetics System of Classical Tamil Poetry	57
N. A. Zheleznova	
Jaina Mysticism and the Doctrine of Three <i>Ātmans</i> in the <i>Corpus Cundacundae</i>	82
D. I. Zhutayev	
<i>Abhidharma</i> and <i>Abhivinaya</i> from the Perspectives of Two Early Buddhist Traditions	93
A. I. Kogan	
Dards and the Dard Country in Kalhana’s <i>Rājatarangiṇī</i>	107
N. A. Korneyeva	
Reception of the Guest of Honour (<i>atithi</i>) Based on the Sanskrit Ritualist Tradition	115
D. N. Lielyukhin	
Social Structure of Early Nepalese Society: The <i>grāma</i> and the <i>pāñcālī</i> in Licchavi Inscriptions	130
Ye. S. Lepekhova	
On the Meaning of the Dakini Cult in Mediaeval Japan	147
V. G. Lysenko	
Word and Being in Bhartr̥hari’s Doctrine of Action in the <i>Kriyāsamuddeśa</i>	156
A. A. Mekhakyan	
A Philosophical Interpretation of Linguistic Categories in Kashmir Šaivism (Linguistics and Metaphysics)	174
Ye. D. Ogneva	
The Glorious Copper-Coloured Mountain, or Padmasambhava’s Paradise: Thangka from the Collection of the Roerich Library at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences	193

Ye. D. Ogneva		
The <i>Vajracchedikā</i> in the Structure of the Odessa Manuscript Miscellany of Buddhist Meditative Texts: Prospects of Study		200
S. Ch. Ofertas		
The World without an Other: An Ontological Eventuality of India (Based on the Texts of the Śaiva <i>Paramādvaita</i>)		209
Ye. V. Tyulina		
Space, Its “Testing” and Worship in Rites of the Consecration of Sculptural and Architectural Objects (According to “Building-Construction” Treatises from the <i>Purāṇas</i>)		226
M. S. Fomin		
“And His Cloak Covered the Whole Island...”: Legends of Religious Conversion in the Pāli and Irish Narrative Traditions		242
K. P. Shrestha		
Certain Historical and Cultural Facets of the Symbolism of Nepal’s National Flag		263
Ye. S. Yuditskaya		
Concept of the Dream in the Ancient Indian Textual Tradition		272
V. M. Yakovlev		
Structure of a “Wheel of Time” (<i>Kālacakra</i>) Scroll from the Roerich Collection (State Museum of Oriental Art): a Tibetan Calendar		287
Summary of Papers		298
List of Illustrations		316
List of Abbreviations		318
Illustrations		I–VIII

ВВЕДЕНИЕ

То, что носит теперь имя «Рериховские чтения» и что уже полвека собирает людей на ежегодный профессиональный обмен словами и смыслами по поводу древней культуры и религии стран Южной и Центральной Азии, в истоках своих имело поводом неожиданную кончину в мае 1960 г. выдающегося отечественного востоковеда Юрия Николаевича Рериха (16. 08. 1902 – 21. 05. 1960).

14 августа 1960 г. состоялась передача Святославом Николаевичем Рерихом Институту востоковедения АН СССР ценнейшей научной и художественной коллекции, привезенной Юрием Николаевичем Рерихом из Индии, и открытие Кабинета его имени. В октябре 1960 г. в Институте востоковедения прошли первые «Рериховские чтения», в которых приняли участие ученики и коллеги Рериха из Москвы, Ленинграда, Улан-Удэ.

О «Чтениях», отметивших свой полувековой юбилей, нельзя сказать, что они имели какую-то единую программу или установку, кроме причастности к исследованию круга земель и культур Востока, находившихся в поле интересов Рериха. Но можно говорить о нескольких волнах приоритетов, точнее, о творческих вспышках пристального внимания к той или иной области исследования.

От «Чтений» 60-х гг. с их религиозно-философской проблематикой, на что был нацелен сектор Рериха (доклад А. М. Пятигорского «Методические замечания к изучению буддийской философии», А. Н. Зелинского «О космологической модели ваджраяны», Л. Мялля «О концепции праджни в ранней махаяне»), уже в конце 60-х наметился прорыв к новому витку исследований.

Это было связано с началом осуществления так называемого «Кушанского проекта», нацеленного на полномасштабное изучение Центральной Азии. Проект был разработан Рерихом (в последний год жизни), добившимся утверждения его в Академии наук. По этому проекту (хотя он не был одобрен во всех своих частях «высшими инстанциями») началось археологическое изучение крупнейших буддийских памятников Средней Азии: Кара-тепе (с 1961 г., раскопки Б. Я. Стависского) и Фаяз-тепе (с 1968 г., раскопки Л. И. Альбаума). Эти исследования открыли новую страницу в изучении истории буддизма первых веков н. э.: буддийских школ, буддийской доктрины, языков и письменностей буддизма (обнаружено около трехсот буддийских надписей на разных древних языках, к настоящему времени большей частью опубликованных), особой линии буддийского искусства (первое живописное изображение Будды, ранняя буддийская скульптура). В 1968 г. по тому же частично одобренному проекту в Душанбе состоялась первая Международная Кушанская конференция ЮНЕСКО.

На «Периховских чтениях» конца 60 – 70-х гг. на первый план выступают исторические и культурологические проблемы изучения вновь открываемых буддийских памятников, дешифровка и лингвистические проблемы буддийской эпиграфики («Изучение буддийских комплексов Кара-тепе в Старом Термезе» (Б. Я. Ставиский); доклады по исследованию письменных памятников (М. И. Воробьева-Десятовская, Г. М. Бонгард-Левин, В. В. Вертоградова)), возникают теоретические проблемы реставрации и реконструкции только что открытых буддийских сооружений – ступ, вихар (О. А. Туманова, Л. Л. Гуревич). Одновременно получает продолжение то направление «Чтений», которое было связано с изучением поэтики, ритуала и мифа (доклады Т. Я. Елизаренковой, А. Я. Сыркина, Ю. М. Алихановой, С. Л. Невелевой, И. В. Стеблевой).

Новая «тибетологическая» волна на «Чтениях» 80-х гг. отчасти связана с выходом в 1983 г. одиннадцатитомного Тибетско-русско-английского словаря Ю. Н. Периха с санскритскими параллелями (огромную работу при подготовке словаря выполнили Ю. М. Парфyonович и В. С. Дылыкова). При этом можно напомнить выступления В. С. Дылыковой по тибетской литературе, И. Н. Комаровой и Т. М. Малановой по тибетской лингвистике и поэтике, Е. Д. Огневой по тибетскому искусству (Огнева Е. Д. Живописные интерпретации «Джатакамалы» в Тибете).

В это время происходит расширение поля культурологической и религиоведческой проблематики, связанной с исследованием текста («О психологическом действии наррации по данным “Махабхараты”» (С. Л. Невелева); «Некоторые вопросы мифологии шактизма» (П. Д. Сахаров); «Кем были ведийские риши?» (Т. Я. Елизаренкова); «Археоастрономия в Древней Индии» (Л. В. Володарский)). При этом ряд новых ракурсов получают исследования буддизма, широко включаются новые материалы эпиграфики («О буддийских школах кушанского периода по эпиграфическим данным» (Л. Р. Фурцева)). А вопрос Л. Мяля, поставленный на «Чтениях» 1988 г. докладом «Существует ли единая линия текстопорождения в Махаяне?», до сих пор ждет своего ответа.

Обращаясь к дальнейшей истории «Периховских чтений», хотелось бы напомнить, что большой вклад в их организацию и продолжение в 90-х гг. внесли Т. Я. Елизаренкова и Д. Н. Лелюхин. Кроме того, с середины 80-х «Чтения» имеют своего постоянного летописца Е. В. Тюлину и реально публикуются в виде резюме всех без исключения докладов в журнале «Восток».

Что касается публикации самих докладов, то на сегодняшний день это четвертый выпуск «Чтений». Первый сборник был составлен А. М. Пятигорским и опубликован в периодическом издании «Краткие сообщения Института народов Азии» (КСИНА LVII. Сборник памяти Ю. Н. Периха. М.: Изд-во Восточной литературы, 1961). Второй, подготовленный к столетнему юбилею Периха, собран

Т. Я. Елизаренковой и издан Петербургским университетом в 2002 г. под названием «Петербургский Периховский сборник»; третий, состоящий из докладов, прочитанных на самих юбилейных чтениях («Индия – Тибет: текст и вокруг текста. Периховские чтения 2002 в Институте востоковедения РАН», составитель В. В. Вертуградова), издан в 2004 г. С этого времени набирает силу то направление чтений, которое обращено не только к тексту – источнику, но и к проблемам самого Текста и которое уже было обозначено в упомянутом вопросе Л. Мялля.

Как продолжение этого направления составлен публикуемый нами сборник исследовательских статей (итог докладов на конференциях 2006 – 2010 гг.) «Индия – Тибет: текст и феномены культуры», подготовленный к 110-летию Ю. Н. Периха.

Деятельность Ю. Н. Периха, внесшего еще не оцененный вклад в то направление классического востоковедения, которое получило в свое время название Indo-Tibetica и которое знаменовало итоги исследований значительного очага культур, так или иначе связанных с духом и буквой древнеиндийской традиции, проходила в начале – середине XX века в рамках достижений, с одной стороны, Петербургской школы дореволюционного востоковедения, с другой, классической ориенталистики Парижа, Лондона и Гарвардского университета.

При этом ни всплеск структурализма и глоссематики начала – середины XX века, ни зарождение новых постструктураллистских направлений и пр. не привели ученого к методологическому беспокойству как нечто внешнее по отношению к глубокому и разностороннему, притом окрашенному этнопсихологией, проникновению в самую суть «текста» и «контекста» культуры.

Спецификой творчества Ю. Н. Периха была его особая «первопроходческая» ориентированность, и не только на новые неизведанные земли, но и на неизведанные пласти и проблемы культуры: одно из первых исследований тибетской живописи (в основе – собранная им самим огромная коллекция танок); ценнейшие лингвистические описания живых тибетских языков и диалектов (лахульский, лхасский и амдоский), изданные отдельными книгами, которые требуют немедленного переиздания и осмысления в связи с современной лингвистической ситуацией в Тибете; проблема лингвистических связей тибетского и монгольского языков, восстановление фонетического строя древнемонгольского языка и происхождение монгольского алфавита; в области изучения проблем индо-тибетского буддизма – исследования изобразительной версии «Калачакры»; в области эпосоведения – исследование эпических жанров – от проблемы древнего «доведийского» эпоса до тибетского Гэсэра; разработка тохарской проблемы и многое, многое другое.

Освоение научного наследия ученого, как и привезенного из Индии богатства собранных им коллекций (старопечатная книга, рукописи, религиозная живопись, мелкая пластика, нумизматика), по существу только начинается. Хотелось бы – и на что более всего надеялся Ю. Н. Рерих и ради чего вернулся в Россию, – чтобы все это не превратилось, в лучшем случае, лишь в «базу данных», а стало бы предметом будущих профессиональных исследований и дискуссий, что требует, прежде всего, осмыслиения тех шагов в области теории культуры, которые были сделаны исследователями не только классического, но и структуралистского и постструктуралистского направления, а также преодоления некоторой ограниченности, присущей всем этим подходам, и поисков иных путей, учитывавших достижения конца XX – начала XXI в. в области интертекстуальности, лингвистики текста, психосемантики, что с большим трудом пробивает себе путь в поле востоковедения.

Предлагаемое здесь собрание исследовательских статей, затрагивая примерно то же географическое (Индия – Тибет – Непал – Китай – Дардистан) и культурное пространство (исследуются памятники на 10 древних восточных языках), что Indo-Tibetica, выдвигает не только новые проблемы, но и новые подходы.

Содержание сборника включает несколько областей гуманитарного знания: «Древняя лингвистика и лингвофилософия» (В. Г. Лысенко, А. А. Мехакян); «Лингвокультурное пространство Текста» (В. В. Вертоградова); «Порождение и структура нарративного текста» (Н. В. Александрова); «Текст хроники и принципы описания ее объекта» (А. И. Коган); «Сакральная топология и текст» (М. С. Фомин); «Формирование доктринального текста» (Д. И. Жутаев); «Текст и межкультурные связи при формировании ритуала» (Е. С. Лепехова); «Строительный текст и ритуал» (Е. В. Тюлина); «Поэтический код и ритуал» (А. М. Дубянский); «Социокультурные модели и биспациальность» (Е. Г. Выршиков); «Структура эпиграфического текста и организация социума» (Д. Н. Лелюхин); «Культурно-психологические феномены и текст (сновидение, гостеприимство)» (Е. С. Юдицкая, Н. А. Корнеева). Образец современного философского дискурса и в то же время разработку ключевой философской проблемы на основе комплекса текстов представляет статья С. Ч. Офертаса.

Как непосредственное продолжение исследований Рериха в области тибетского религиозного искусства и сакрального текста в сборнике предлагается первая публикация уникальных памятников тибетской живописи: танки из Кабинета Ю. Н. Рериха ИВРАН (Е. Д. Огнева) и свитка-календаря (Калачакра) из Кабинета Н. К. Рериха ГМВ (В. М. Яковлев).

B. Вертоградова

Н. В. Александрова

БУДДИЙСКИЕ ПРЕДАНИЯ О ДИСПУТАХ В ПЕРЕДАЧЕ СЮАНЬ-ЦЗАНА. ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПОСТРОЕНИЯ СЮЖЕТА

Основной пласт содержания «Записок о Западных странах» паломника Сюань-цзана – буддийские предания, связанные с определенными топосами. Несомненно, наибольшая концентрация этого материала – в главах, посвященных тому региону, который был главной целью паломничества и был связан с центральными событиями буддийского предания. Благодаря такому обилию разнообразных сюжетов автор целиком посвящает VIII и IX главы одной Магадхе (摩揭陀 *Moçzeto*) – области в среднем течении Ганга, явившейся ядром формирования крупных государственных образований древности и, что было наиболее важным для автора-паломника, – средоточием главных буддийских святынь. Так, VIII глава включает легенду об основании Паталипутры, несколько преданий о маурийском царе Ашоке, отражающих основные моменты его покровительства буддизму, предания о Будде, связанные с пребыванием его в Гайе, описание святынь, расположенных вокруг дерева *бодхи*. Здесь же – целая цепочка преданий о диспутах буддистов с «иноверцами» (外道 *vaidao*), действующими лицами которых являются весьма известные представители истории буддизма – Ашвагхоша (馬鳴 *Mamin*), Гунамати (德慧 *Déxuэй*), Нагарджуна (龍猛 *Lunmэн*). При ознакомлении с этими сюжетами, прежде всего, обращает на себя внимание шаблонность их построения, основанного на стереотипных мотивах мифологического характера и практическое отсутствие свидетельств исторического содержания, имеющих отношение к этим значительным фигурам, выступающим в данном случае лишь как персонажи с заданной стереотипной ролью.

В действии принимают участие две состязающиеся стороны, представленные, с одной стороны, знаменитым буддистом, с другой, – чаще всего брахманом (婆羅門 *поломэнъ*), а также, непременно, царь как арбитр, определяющий победителя, – обычно присутствует фраза: «Приказал подать колесницу, чтобы самолично наблюдать за диспутом и досконально разобраться, кто искуснее в диспуте». Происходящее состязание обозначается термином 論 *лунь*, который в этом случае имеет значение «диспут», связанное и с другими значениями, проявляемыми в других контекстах, – «абхидхарма», а также «шастра, трактат по абхидхарме», – таким образом, «диспут» определяется как «рассуждения по абхидхар-

ме», «обсуждение абхидхармы». Сопровождающая терминология тоже связана с этим понятием: буддист, участник диспута, называется 論師 луньши¹ – «знаток рассуждений», «знаток трактатов»; сиденье, на которое он «восходит», – 論坐 луньцзо; место действия – 論場 луньчан, «площадка для диспутов»; гонг, который возвещает о начале диспута – 論鼓 луньгу. Диспут может продолжаться несколько дней, в течение всего этого времени на нем присутствует и царь, и жители, пришедшие «из ближних и дальних мест и желающие послушать «высокие речи».

При вступлении в действие буддиста ему дается крайне сжатая характеристика, построенная по принципу шаблона: Гунамати «с юности отличался проницательным умом и рано снискал славу чистотой своей жизни. Он досконально изучил “три питаки”, в совершенстве постиг “четыре благородные истины”», а Нагарджуна «в юности славился просвещенностью. Когда он вырос, приобрел высокое имя. Он отринул желания и привязанности, покинул дом и предался учености. Глубоко постиг сокровенную истину и достиг “изначальной земли”».

При описании хода событий бросается также в глаза полное отсутствие передачи содержания диспута, притом что Сюань-цзан, несомненно, был знатоком в этих вопросах. Речь буддиста характеризуется лишь оценочно: «Его глубокие мысли были ключом, он давал ясные ответы», он «проявлял изысканное красноречие, исследуя все “вдоль и поперек”, с высоким искусством ведения диспута и предельной ясностью мысли». Оппонент же его обычно «теряет нить рассуждения», ссылается на «помутнение рассудка», скрывает свое лицо, уходит домой для размышления. Стереотипное завершение диспута – смерть брахмана: «Когда наутро он взошел на сиденье, то более не мог вести диспут, а к шестому дню у него изо рта пошла кровь, и он умер»². Это можно сравнить с участью Вималамитры (Пимоломидоло 吼末羅蜜多羅, У-гуу-ю 無垢友), осмелившегося спорить с Васубандху (IV глава):

«Я, Вималамитра, недостойный и малознающий, в иные времена восстановлю справедливость, помня о добродетели ушедшего века. Хотя и умер Васубандху, его учение все еще имеет хождение. Я знаю об этом все, и я создам шаstry, призывающие ученых людей по всей Джамбудвипе и других людей отречься от имени большой колесницы, уничтожить славу Васубандху. Эти [шаstry] будут нетленны. Я посвящу этому заветному желанию все свои силы». Когда он произнес эту речь, то впал в душевное помешательство, язык его отяжелел и обвис, хлынула горячая кровь. Зная, что пришел неизбежный конец, в раскаянии он написал письмо: «При-

¹ Термин 論師 луньши затруднителен для перевода, поскольку слово 論 лунь имеет значение (в контексте буддизма) и «абхидхарма», и «шастра, трактат по абхидхарме», и диспут. Таким образом, 論師 луньши можно понимать как «знаток абхидхармы», «знаток шастр», а также «искусный участник диспутов».

² Переводы выполнены по изданию: Сюань-цзан. Дай Тан си юй цзи. Пекин, 1955.

верженцы большой колесницы проповедуют наиболее законченное учение среди тех, кто исповедует закон Будды. Пусть слава ее спадает, но сущность ее глубока. В своем легкомыслии и невежестве я осмелился критиковать предшественников. Возмездие явлено мне: мое тело должно погибнуть. Осмелюсь лишь обратиться к ученым людям: вот поучительный пример. Каждому следует обуздывать свои по-мыслы и не поддаваться сомнениям». Земля на большом протяжении содрогнулась, и он тотчас скончался. Вслед за тем земля разверзлась на месте его кончины, и он был ввергнут в яму. Товарищи предали его тело огню и над собранными костями возвели строение.

Физическое уничтожение заносчивого и пустословного брахмана, осмелившегося спорить с буддистом, – стереотипный исход событий для преданий о диспутах. Развернутый сюжет такого рода можно видеть в XI цзюане в разделе «Страна Малава» (*Mālava, Molapo* 摩臘婆):

Следуя на северо-запад от большого города примерно 20 ли, прибыл в селение Поломэнь. Здесь поблизости есть впадина. И осенью, и летом в нее сливается вода, наполняя ее в течение десятков дней. И, хотя воды наливается много, она здесь не скапливается. Рядом построена малая ступа. В старинных записях говорится: это то самое место, где некогда один очень заносчивый брахман живьем провалился в преисподнюю. Некогда в этом селении жил брахман, сведущий во множестве вещей, человек непревзойденной учености, гордость своего времени. Он досконально постиг канонические книги, как внутренние, так и внешние³. Он видел тайные знаки судьбы так, как будто они были у него на ладонях. Он обладал безупречным обхождением, чистотой и возвышенностью. Слава его простиравшаяся далеко. Царь ценил его очень высоко, и жители страны глубоко чтили. У него была 1000 последователей, которые наслаждались его учением и благоговели перед ним. Он всегда говорил о себе: «Я пришел в мир, чтобы поведать истину и повести всех за собой. Изначальные мудрецы и последующие ученые люди ничего не стоят по сравнению со мной. И Махешварадэва (*Maheśvara, Da-цзы-цзай-тянь* 大自在天), и Васудэва (*Vasudeva, Posou-тянь* 婆薮天), и Нааянадэва (*Nārāyaṇadeva, Halоянь-тянь* 那羅延天) и Будда, Почитаемый в мире, – люди повсюду покорны им, живут по их заветам, следуют их учению. Нет таких, кто бы не рисовал их в своем воображении. Все только их и чтят. Я же ныне всех превосхожу достоинствами и затмеваю славой. Если они не столь необыкновенны, зачем же их прославлять? Вырезали тогда из красного сандала статуи Махешварадэвы, Васудэвы, Нааянадэвы и Будды, Почитаемого в мире, а из них сделали ножки стула, и стул этот носили за ним повсюду. Вот такой он был заносчивый. А в то время в Западной Индии жил бхикшу Бхадраручи (*Bhadraruci, Batololouchchi* 跋陀蘿縷支). Он в совершенстве изучил «Иньмин»⁴, глубоко постиг и другие сутры. В поведении он был безупречен, а воздержание его было таково, что вокруг распространялось благоухание. Он желал лишь малого, довольствуясь тем, что имел, и не просил о благах. Когда он прослы-

³ То есть буддийские и не буддийские тесты.

⁴ «Иньмин» 因明 – *hetuvidyā*, логика.